

ПОЛНЫЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА – ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ТРУД В МИРОВОМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Бушуй Анатолий Михайлович,

профессор Самаркандского государственного института иностранных языков

Ключевые слова: лексикография, словарная дефициция, словарь, фразеология, паремиология.

I. Основы общей лексикографии

Общая лексикография – одна из активно разрабатываемых отраслей теории и практики составления словарей [Дж. Б. Буранов, 1970; 1977; 1993; 2002]. Её основным направлениям [лексическому, фразеологическому, паремиологическому, грамматическому и др.] во многом ещё недостаёт информации о том, как и в каком объёме необходимо представлять языковой материал в корпусе словаря [например, толковом, контрастивном, этимологическом и др.]. Примечателен в этом отношении следующий тезис, который сформулировал Ю. Н. Караулов [1981. С. 135]: «Наряду с признаком «для чего делается» для нынешнего уровня словарного дела существенным оказывается признак «как делается».

Основной задачей лексикографии является отражение в различного рода словарях [толковых, контрастивных и др.] семантических, грамматических, стилистических, функциональных [коммуникативных, текстообразующих] и других особенностей языковых единиц. Лексикография призвана свидетельствовать о деривационных закономерностях развития языка, моделируемости и её границах, объёме лексических и фразеологических гнезд, микро- и макрообъединений языковых единиц и т.д.

Независимо от полноты и характера назначения лексикографического источника в нём должна найти своё отражение в необходимой мере система языка. Поэтому очевидно, что общая теория лексикографии и совершенствование практики словарного

дела напрямую обуславливаются состоянием изысканий в области лексикологии, фразеологии, семасиологии, грамматики и других лингвистических дисциплин [А. М. Бушуй, 2016. С. 43].

Проблематика толкового словаря весьма многообразна, круг исследуемых здесь вопросов исключительно широк. Некоторые её аспекты имеют принципиальное значение. Так, современная лексикография всё более исходит из того, что лексика и фразеология, отражённые в толковом словаре, призваны осветить надлежащим образом лексико- и фразеобразовательные возможности конкретного слова. Поэтому практика создания толковых словарей выработала установку на фиксирование в них наиболее необходимых [основных] лексико-семантических групп и фразеообъединений с данным конкретным словом.

Толковый словарь предполагает учёт категориальных признаков слов и сочетаний слов [в том числе фразеологических и паремиологических], интерпретацию их структурных [формальных], семантических, грамматических и стилистико-функциональных характеристик, показ сочетаемости в контексте и других особенностей устойчивых словесных комплексов.

Описание языка в толковом словаре должно в идеальном случае отвечать требованиям: 1) учитывается основной фонд языка, 2) проводится его всестороннее толкование, 3) показываются необходимые грамматические

характеристики, 4) объясняется экспрессивно-стилистическая природа описываемых языковых явлений, 5) перечисляются их варианты формы употребления, 6) для сравнения сообщаются синонимичные и антонимичные средства выражения и др. И весь этот объём информации иллюстрируется подтверждающими цитатами и образцами речевого употребления.

Языковая кодификация в толковом словаре предполагает выяснение вопросов инвентаризации, систематизации и интерпретации слов, фразеологических единиц [ФЕ], слово- и фразеосочетаний в семантическом, стилистико-функциональном и грамматическом планах, а также установление границ устойчивого лексико-фразеологического фонда.

Для общей теории лексикографии важным следует признать приём последовательного раскрытия соотношения кодификации и узуса посредством сопоставительного сравнения словарно усвоенных или усваиваемых языковых единиц [их форм и вариантов] и многообразия имеющих в языке единиц, excerpiрованных из наиболее авторитетных художественных и иных источников [публицистических, научно-текстовых, фольклорных и др.] рассматриваемого исторического периода.

На современном этапе развития лексикографии отмечается наличие разных принципов словарной репрезентации языка, в результате чего определённым образом отражается соотношение языка и системы словарей.

Особенно подробно разработаны такие вопросы лексикографии: приёмы толкования, способы цитирования, методы подачи в словарях отдельных типов языковых единиц, учёт в словарях их функционального аспекта и т.д.

С другой стороны, большое значение лексикографическая практика сыграла в уточнении лингвистической

природы различных языковых явлений. Именно здесь впервые были изложены сведения о семантике, метафорике, прагматике и этимологии многих слов и устойчивых словесных комплексов.

Словари в заметной степени способствовали развитию взглядов и на такие сложные вопросы, как границы ФЕ, идиоматичность устойчивых словесных комплексов, клиширование во фразеобразовании, синтаксическая идиоматика и др., без чего нельзя было сделать выбор адекватной словарной формы целого ряда лексико-фразеологических единиц.

Значительная работа проделана в лексикографии при систематизации и толковании отдельных национально значимых идиологетов.

Крупными вопросами теории и практики современной лексикографии [например, в сфере толкового словаря] являются следующие: структура словаря; построение словарной статьи; система подачи семантико-функциональных, стилистико-прагматических, грамматических, этимологических и прочих толкований описываемого языкового материала. Пополняется лексикография и сведениями об особенностях подачи полисемичных, омонимичных, синонимических и антонимичных образований.

Подобный [системный] подход к решению комплексной лексикографической проблемы представляется наиболее перспективным и основополагающим. Так, в современной лексикографии обычно реализуются достаточно последовательно следующие приёмы репрезентации фразеологического материала [например, в словарях толковых и контрастивных]: 1) семантический [по семантически стержневому слову], 2) синтаксический [по синтаксически ведущему слову], 3) формальный, т.е. выбор места фиксирования ФЕ в словаре определяется условно в зависимости от частеречной характеристики

полнозначительных компонентов фразеологической формы.

Однако универсально использовать каждый из указанных приёмов в отдельности не представляется возможным. Действительно, не всегда поддаётся определению центральное по значению слово в семантически цельной фразеологической форме, а синтаксически ведущее слово [например, глагол] нередко оказывается лексически нивелированным [стёртым, полуупустошённым]. Точно так же вряд ли приемлемым следует признать и условно-формальный приём распределения ФЕ в словаре. Поэтому отсутствие чётко выработанных принципов словарной систематизации устойчивых словесных комплексов существенно снижает практический потенциал лексикографии и фразеологии.

Для филологических словарей возможна единая методика репрезентации фразеологии как системы. В её основе лежит принцип покомпонентного фиксирования ФЕ в словаре [толковом и др.] с поправкой на всевозможные ограничения в отборе материала, полноте [глубине] его интерпретации, количестве привлекаемых параметров описания. Это значит, что любое слово языка, характеризующееся любой степенью фразеологической активности, избирается в качестве лексикографически опорного слова и выступает исходным в словарном фразеологическом блоке.

II. Ўзбек тилининг изоҳли луғати [2006-2008]

Национальные толковые словари призваны всесторонне и исчерпывающе отразить и объяснить основное лексико-фразеологическое богатство языка. Многие из них являются крупнейшими языковыми коллекциями, подлинными сокровищницами родного слова, демонстрируя тем самым наиболее общее, универсальное описание национального языка. Например, это полный (5-томный) «Ўзбек тилининг изоҳли луғати» –

2006/2008 [ЎТИЛ] – самый авторитетный [на наши дни] источник историографии, номинации и художественно-образительных возможностей узбекского языка. Он продолжает развивать славные традиции лексикографии Узбекистана [См.: З. М. Маъруфов, 1981].

Особенно велико значение ЎТИЛ в репрезентации фразеологии. В этом отношении он наиболее информативен, ибо до сих пор отсутствует специальный академический фразеологический словарь узбекского языка. Всесторонняя подача фразеологии в ЎТИЛ продолжает тем самым богатый разноязычный опыт мировой лексикографии.

ЎТИЛ – это образец успешного создания нормативно-стилистического толкового словаря академического типа. Реализация же его концепции находится в прямой зависимости [кроме прочих проблем] от разрешения задач фразеологического порядка, т.е. разработки проблемы «фразеологии в словаре». При этом надлежит показывать не только фразеологические возможности лексики языка, но и место любой из учитываемых ФЕ во фразеологической [или шире – лексико-фразеологической] системе. Здесь трудности заключались в том, что объектом словарного анализа послужил чрезвычайно обильный материал.

Взаимная дополняемость лексики и фразеологии в выражении отдельных фрагментов языковой действительности [лексико-фразеологическое название одних и тех же внеязыковых фактов и явлений, скажем, посредством лексико-фразеологических полей, серий синонимов и т.д.] объективно реализуется в ЎТИЛ совместным лексико-фразеологическим описанием выделяемых слов, избранных в качестве заглавных в словарных статьях и выступающих как лексикографически опорные слова различных ФЕ. Обязательность одновременного учёта лексической и фразеологической систем в

ЎТИЛ обуславливается также их нередкими перекрещиваниями, взаимными наслоениями и дополнениями при объяснении слова [как основной единицы языка].

ЎТИЛ сполна передаёт совместным привлечением лексико-фразеологических средств основные сферы жизни узбекистанского общества широкого исторического периода: сферы социально-экономических отношений, быта, ремесла, сельского хозяйства, искусства и культуры. При последовательной ориентации на всеобъемлющий охват языковых фактов этот комплексный словарь служит авторитетным научно-справочным источником историкам языка, диалектологам, лексикологам, фразеологам, дериватологам современного узбекского языка [а также историкам узбекской культуры, науки, техники и т.д.] [См. также: Қ. Назаров, 2009; Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2000-2006]. Кроме того, опыт ЎТИЛ однозначно разрешил спор о включении / невключении фразеологии в корпус национального толкового словаря, а именно комплектование толкового словаря должно предполагать одновременный и всесторонний учёт лексико-фразеологических ресурсов языка. Здесь – как ни в одном другом узбекском словаре – обширно отражается типология ФЕ, конкретизированная в жанрово-стилевом, функциональном и структурно-композиционном отношении.

III. Лексика в ЎТИЛ

Лексико-семантические и словообразовательные нормы лексикографии раскрываются в ЎТИЛ с особым вниманием к наиболее релевантным системно-уровневым и деривационным признакам. Это прежде всего гнездовое группирование однокорневых слов:

АБАД / АБАДИЙ /
АБАДИЙЛАШМОҚ /
АБАДИЙЛАШТИРМОҚ / АБАДИЙЛИК /

АБАДИЯ [: Саодати АБАДИЯ] / АБАДИЯН / АБАДИЯТ [т.1. С. 25];

НАМОЗ / НАМОЗГАР / НАМОЗГОҲ / НАМОЗЛИК / НАМОЗХОН / НАМОЗХОНА / НАМОЗШОМ / НАМОЗШОМАТЛАС / НАМОЗШОМГУЛ [т.3. С. 16];

ОБОД / ОБОДЛАШМОҚ / ОБОДОН / ОБОДОНЛАШТИРИШ / ОБОДЛИК / ОБОДОНЧИЛИК [т.3. С. 74]

ПАРДОЗ / ПАРДОЗ-АНДОЗ / ПАРДОЗВОЗЛИК / ПАРДОЗЛАМОҚ / ПАРДОЗЛОВЧИ (ПАРДОЗЧИ) / ПАРДОЗСИЗ (БЕПАРДОЗ) [т.3. С. 221-222] и др.

Фактор текстовой употребительности позволяет словарю выделить в паре близкозначимых слов (выражений) более соответствующее действующей языковой норме. Ср.:

“НАЗР-НИЁЗ айн. хайр-садақа. “Хазрати султон” шайхларига назр-ниёзлари бекорга кетмаганига, кизининг бўйида бўлганига ... ишонди, кулумсиради. Ҳ. Гулом, Машғал. Зиёратга келганлар қовоқ солиб ўтирган авлиёга салом беришиб, унинг ёнига назр-ниёзларини қўйишди, эскигина сопол товоққа биттадан кумуш танга ташлашди... Мирмуҳсин, Меъмор” [т.3 С. 12].

Это же правило опоры на текстовые данные ЎТИЛ применяет и при описании семантически однозначных вариантных словоформ. Ср.:

“НАЗАРИЯЧИ айн. назариётчи. Ҳаёт тақозо қилган ҳар бир ислохотни назариячилар билан бамаслаҳат амалга ошириш фойдадан холи эмас. Ж. Абдуллахонов, Тўфон” [т.3. С. 10].

Семантически близкие слова [синонимичные] объясняются в ЎТИЛ по принципу чёткого подбора разграничительных критериев в их значении и контекстно-стилистического использования. Ср. староузбекскую и современную узбекскую лексическую пару:

“АБР... эск. кт. айн булут 1 Абр ичига беркиниб, мотамсаро бўлсин куёш.

Э. Вохидов. Абри найсон Бахорги серёмғир булут. Абри навбахор Эрта бахорнинг ёмғирли булут. Чун абри навбахор Худди эрта бахор булутидек. Зор-зор чун абри навбахор йиғлаб. Ғ. Гулом. Абри бало Бало, офат булут. Аёллар хонадонлари узра ёпирилиб келаётган абри балони эрларидан аввалроқ сезадилар. Т. Малик, Шайтанат. 2 Тўқимачилик, меъморлик, кулолликда учрайдиган, тархи булутсимон амалий безак тури” [т.1. С.27-28] ↔

“БУЛУТ 1 Осмонни бутунлай қоплаб олган ёки унинг у ер-бу ерида ғуж бўлиб тўпланган, қуюқлашган сув буғлари. Оқ булут. Бахор булутлари. Сукутда ҳикмат кўп, Булутда – ҳиммат. Мақол. Ўтган булутдан ёмғир кутма. Мақол. ■ Булутлар шамолга эргашиб, тоғ томон йўл олди. Ў. Ҳошимов, Қалбингга кулоқ сол. Кўкни булут қоплаган, милт этган юлдуз йўқ эди. И. Раҳим, Чин муҳаббат. Ҳаво (ёки осмон) булут... 2 кўчма Осмонни булут каби қоплаб олган ҳар бир нарса... 3 кўчма Таҳдид солувчи ёки дилни қоронғи қилувчи ҳар бир нарса, ҳолат...” [т.1. С. 371].

Кроме общеупотребительных слов и выражений, ЎТИЛ учитывает и малоупотребительные, встречаемые в художественной литературе и исторических сочинениях. На их кодификацию действуют общие лексикографические правила: показывается возможное вариантное оформление, строятся лексические / лексико-фразеологические гнездовые объединения, семантизация проводится с максимальной точностью и дифференцированностью на основе [в большинстве случаев] типичного текстового использования. Ср.:

“АБЖАҚ: абжак бўлмоқ ёки абжағи чикмоқ ... 1) пачоқланиб, эзилиб, путурдан кетмоқ... 2) калтак ёки бошқа нарса зарбидан эзилиб ҳолдан кетмоқ, абжак ҳолга келмоқ. Абжағини чиқармоқ ёки абжак қилмоқ 1) қаттиқ жароҳатламоқ... 2)

урилиб, эзилиб, ярқисиз ҳолга келмоқ (келтирилмоқ).

АБЖАҚЛАМОҚ... Абжак қилмоқ, абжағини чиқармоқ, дабдала қилмоқ” [т. 1. С. 26].

Важно отметить внимание в ЎТИЛ к истокам узбекского литературного языка.

Это нашло своё отражение в выделении пласта старой [устаревшей] и исторической лексики и фразеологии. Тем самым открывается исключительно перспективное направление узбекской филологии, призванной приобщить нацию к её творческому наследию и развернуть историко-переводческие изыскания в целях популяризации на иностранных языках выдающихся произведений узбекской литературы.

Ср. образец подобной лексики:

АЁҚ [Коса, пиёла, кадах] → Насиби анинг бир АЁҚ ош эрур бас А. Навоий [т.1. С. 43]

ЎТИЛ отражает заимствования из многих языков мира. Их фиксирование обуславливается, прежде всего, тем, что заимствованные слова стали использоваться в современном узбекском языке. Структура их толкования сводится к следующим параметрам: 1) приводится исходная иноязычная словоформа с семантическим объяснением, 2) даётся справка об обозначаемой реалии, 3) перечисляются типичные сочетания слов с заимствованием и 4) завершает словарную статью текстовая иллюстрация из художественной литературы:

“АБАЖУР [фр. abat-jour – ёруғликни қайтарувчи]

Керакли ёруғликни бир жойга тўплаб тушириш ёки кўзни ёруғлик нуридан пана қилиш учун лампа устига ўрнатиладиган, шиша, мато, металл ва ш.к.дан ясалган қалпоқ.

Чинни абажур. Шойи абажур. Шифтда абажур осиглик.

Абажурдан таралган кўкиш нур унинг юзида товланарди. С. Зуннунова, Янги директор” [т.1. С. 25].

Безусловной заслугой ЎТИЛ является последовательное внимание к последующему деривационному освоению узбекским языком необходимых для него иноязычных вкраплений. При этом закономерности этого процесса обуславливаются влиянием системно-уровневой организации общего лексикона, словообразовательных закономерностей и синтаксического строя узбекского литературного языка. В итоге, формируются иноязычно-узбекские словообразовательно соотнесённые гнездообъединения типа:

АБАЖУР / АБАЖУРЛИ [т.1. С. 25];

АВИАМОДЕЛЬ / АВИАМОДЕЛЧИ / АВИАМОДЕЛЧИЛИК [т.1. С. 31];

АДРЕС / АДРЕС столи (бюроси) / АДРЕСлар дафтари [т.1. С. 42];

АВТО- / АВТОДЎКОН / АВТОНАЗОРАТ / АВТОСАРОЙ / АВТОУЙ [т.1. С. 33-36];

НИКОТИН / НИКОТИНЛИ [т.3. С. 38].

В итоге, широкий охват иноязычного материала и его исчерпывающая интерпретация в ракурсе усвоения узбекским языком позволило оптимально определить норму употребления заимствований. Тем самым возрастает роль ЎТИЛ в наши дни как незаменимого регулятора межъязыковых взаимообогащающих отношений с позиций узбекского языка.

Поэтому явно недопустимо игнорирование отдельных рекомендаций, которые в ЎТИЛ предлагается по использованию заимствований.

Так, явно не прижились попытки некоторых немецкоязычных педагогов реанимировать в последнее время устаревшее ОЛМОН вместо утвердившегося в узбекском языке заимствования НЕМИС. ЎТИЛ однозначно подчеркивает безусловный приоритет употребления последнего. Для этого приводятся такие убедительные данные, как: 1) наличие деривационно соотнесимого микрогнезда НЕМИС /

НЕМИСЛАР / НЕМИСЧА; 2) предрасположенность к развитию сочетаемости опорного НЕМИС: НЕМИС ТИЛИ, НЕМИС ХАЛҚИ, НЕМИС АЁЛ; 3) семантико-функциональная активность словоформы НЕМИСЧА [наличие двузначности, прослеживаемая в сочетаниях НЕМИСЧА ЁЗУВ ↔ НЕМИСЧА ГАПИРМОҚ] и 4) использование в языке узбекской художественной литературы [ср.: А. Қаххор, Олтин юлдуз] [т.3. С. 34 и 115].

IV. Фразеология в ЎТИЛ

ЎТИЛ характеризуется достаточной полнотой отражения фразеологических материалов. К тому же лексикографируются, как правило, ФЕ, широко различающиеся по типу, степени устойчивости, семантической переосмысленности и другим параметрам.

Например, в ЎТИЛ всесторонне интерпретируются идиомы, ФЕ с яркой метафорической образностью и приближённые к ним устойчивые словесные комплексы. Ср.: “Али хўжа – Хўжа али” [т.1. С. 70]; “Арвоҳ капалак” [т.1. С. 94]; “Жаҳли беадад” [т.1. С. 199] и т.д.

Семантико-образная выразительность отдельных ФЕ усиливается благодаря возможной вариативности фразеологической формы: Ҳар (ёки) (юз, минг) оҳангга солмоқ [т.3. С. 195].

Фразеоблокирование на основе одного общего [рассматриваемого как базового] слова позволяет сполна учитывать его толкование как единицы общей лексической системы. Тем самым поддерживается цельность объективно существующей общей лексико-фразеологической системы языка. В противном случае не избежать дублирования информации, общей для лексического и фразеологического разделов словарной статьи.

Многие из лексикографически опорных слов представляют собой

микрофрагмент со сложной иерархией семантико-фразеологических отношений:

АЗОБ [қийналиш, укубат]: азоб бермоқ; азоб чекмоқ (тортмоқ); гўр азоби; ит азобида; нима азоб [т.1. С. 50];

АЙИК [пахмоқ юнгли, бесўнақай, катта, сутэмизувчи йиртқич хайвон]: Айрилганни айиқ ер, бўлинганни бўри ер; айиқ полвон; катта айиқ; кичик айиқ... [т.1. С. 54].

Выделяемое опорное слово фразеоформы в ЎТИЛ избирается местом исходного толкования ФЕ:

“ОФИЗ ... Бир оғиздан айн. бир овоздан қ. овоз → ОВОЗ... Бир овоздан Барча иштирокчиларнинг розилиги билан, юз фоиз овоз билан; бир оғиздан” [т.3. С. 185, 79].

ФЕ языка выделяются индивидуальностью ведущих своих характеристик. Это образное представление, степень семантического переосмысления, конструирующие особенности модели, стилистическая природа, функциональная подвижность и др.

Вместе с тем, любая ФЕ соотносится с другими по различным параметрам в определённых группах, блоках фразеологического [лексико-фразеологического] порядка.

Основанием для выделения фразеоблока будет наличие общего для его ФЕ деривационного признака или даже целого набора таких признаков [семантико-тематическая близость, единство модели, совпадение стержневого фрагмента во фразеоформах и т.д.].

Внимание к наиболее полному комплектованию фразеоблоков по общим лексикографически опорным словам позволяет выделить и предельно точно систематизировать древнейшие пласты фразеологии языка. Это особенно видно по фразеоблокам, основанных на фразеобразовательных возможностях соматизмов. Ср. фразеоблок с опорным БЕТ: Бет бўлмоқ / Бет олмоқ / Бет чидамайди / Бетга айтмоқ / Бетга чопмоқ /

Бетига оёқ қўймоқ / Бетига карамай / Бети йўқ / Бетини кўрмай кетмоқ / Бетини сидирмоқ / Бетини юлмоқ / Бетини қайтармоқ / Бети қалин (қаттиқ) / Бети қолмаслик / Бети қора / Бети қотмоқ / Бети курсин / Қўлини бетга тортмоқ / и др. [т.1. С. 238].

Следование методике словарного блокообъединения ФЕ, соотнесённых набором деривационных признаков, позволяет достичь, таким образом, надлежащей полноты в описании определённого фрагмента фразеологической системы языка. В противном случае интерпретация фразеобразовательной характеристики отдельных слов оказывается в толковом словаре неполной, что приводит к весьма многочисленным пропускам ФЕ. Поэтому сведение сходных по структурно-семантическим параметрам ФЕ в композиционно цельный блок – фрагмент фразеологической части словарной статьи – способствует достижению большей точности в подборе ФЕ, так как отсутствие во фразеоблоке пропущенных ФЕ становится достаточно очевидным.

Кроме того, при позиционном сорасположении соотносимых каким-либо образом ФЕ в замкнутых фразеоблоках фразеологической части словарной статьи облегчается задача их дифференцирования по различающимся признакам, которые порою трудно уловимы в достаточно близких по значению языковых единицах. Поэтому толкованием и образцами употребления словарь обязан предупредить о наличии между близкозначными ФЕ даже малейших расхождений, что наиболее легко сделать на фоне единого фразеоблока.

Блокообъединение ФЕ позволяет упорядочить и выбор места их толкования в словаре. Здесь трудность заключается в том, что не всегда возможно однозначно выделить стержневые слова ФЕ, под которыми последние и помещаются часто в словаре.

Допускается подача ФЕ в толковом словаре под несколькими их компонентами или даже под каждым из них.

Фиксирование ФЕ под каждым из составных компонентов позволяет выявить и показать фразеобразовательную реализацию в языке любого слова – компонента ФЕ. Тем самым словарное описание фразеобразовательно отмеченных лексикографически опорных слов непременно будет содержать и указания на все ФЕ с ним. Это правило действует независимо от семантической значимости компонента ФЕ. Любое слово языка подлежит избиранию в качестве лексикографически опорного, но не при всех лексикографически опорных словах даётся толкование ФЕ. Показ же [даже и без толкования, а лишь с отсылкой на другие словарные статьи] основных ФЕ конкретного слова существенно расширяет осмысление его природы.

ЎТИЛ последовательно соблюдает установившиеся к настоящему времени общие унифицированные принципы фразеографирования. Их объективной основой служат проявления фразеологической системности:

1) во внутреннем контексте ФЕ как отдельной микросистемы [вариантность имплицитно-эксплицитная, лексическая, парадигматическая, стилистическая коннотация] и

2) во взаимообусловленных отношениях между ФЕ, т.е. в пределах системно соотнесённых фразеоблоков [это блоки ФЕ-синонимов, ФЕ-антонимов, деривационно связанных ФЕ и др.].

V. Паремология в ЎТИЛ

Паремийные единицы [ПЕ] приводятся в ЎТИЛ как средство толкования, иллюстрации к тем ФЕ, с которыми они соотносятся по деривации:

АЖАЛ(И) етмоқ ↔ Қирқ йил қирғин бўлса, АЖАЛИ ЕТГАН ўлади [т.1. С. 44];

ОЗИҚ → Бир кунлик йўлга чиқсанг, бир ҳафталик озиқ ол! Ёзнинг ёзиғи – қишнинг озиғи //

ОЗИҚЛИ → Озиқли от ҳоримас, қариндошлиқ қаримас [т.3. С. 94];

ОТА → Ота бўлма, ота қадрини билмас... Оталар сўзи – ақлнинг кўзи //

ОТАЛИ → Отали етим – орсиз етим, онали етим – орли етим [т.3. С. 151-152];

ОҒИР → Оғир тошни сув элтмас //

ОҒИРЛИК → Керакли тошнинг оғирлиги йўқ [т.3. С. 187, 189];

ОҒРИМОҚ → Ишламай еган, оғримай ўлар; Пичоқни аввал ўзингга ур, оғримаса, бировга ур! //

ОҒРИҚ → Ўлар оғриқнинг ўлгани яхши, уйдагиларнинг тингани яхши; Оғриқнинг тузалгиси келса, эмчи ўз оёғи билан келар [т.3. С. 192-193] и др.

ПЕ используются в ЎТИЛ и для подтверждения наиболее употребительной фразеоформы вариантно отмеченной ФЕ, т.е. ПЕ позволяет выделить из вариантов ФЕ её инвариантную фразеоформу:

ФЕ “Жон озиғи ёки жонга озиқ” → ПЕ “Яхши сўз – жон озиғи, ёмон сўз – бош қозиғи” [т.3. С. 94];

ФЕ “Бети қалин (ёки қаттиқ)” → ПЕ “Бетимнинг қалини – жонимнинг ҳузури” [т.1. С. 238].

Опора на паремологию – как исключительно эффективное иллюстративное средство во всей разработанной лексикографической концепции – выдвигает ЎТИЛ на самые передовые позиции мирового словарного процесса.

Отметим ещё некоторые приёмы использования пословиц и поговорок в толковательных целях.

Прежде всего это индивидуализация отдельных значений полисемантических слов:

АЖРАЛМОҚ [девятизначное] ... ;
здесь ПЕ дополняет толкование значений

Бирлик ҳолатини йўқотмоқ, алоқани узмоқ (алоқаси узилмоқ) ... → Элга

кўшилсанг – эр бўласан, элдан ажралсанг – ер бўласан ... // и

Маҳрум бўлмоқ, жудо бўлмоқ; айрилмоқ → Ёридан ажралган етти йил йиғлар, элидан ажралган ўлгунча йиғлар ... [т.1. С. 46].

АЗИЗ [шестизначное] ...; здесь дополняется парой ПЕ значение Эъзоз-эйтиборга, иззат-хурматга лойик, ардокли, кадрли → Азиз меҳмон. Бола азиз, одоби ундан азиз // Эр – сийланган ерда азиз ... [т.1. С. 49].

При этом посредством паремио групп достигается особая семантико-образная дифференциация в толковании многозначности отдельных слов. Например, подобный приём используется в индивидуализации следующих значений слова ОЗ: Сон ёки микдор жиҳатдан унча кўп бўлмаган ... Гап кўп, кўмир оз ... Оз емак – соз емак // Етарли эмас, кифоя қилмайдиган, каноатланарли бўлмаган ... Бир йигитга етмиш хунар оз ... Мақтанма, ғоз, хунаринг оз ... Кўп бўлса – кетар, оз бўлса - етар” [т.3. С. 92-93].

Ср. ещё:

ОЛА 1 Оқ-қора, оқ-малла ва ш.к. қоришиқ тусли (хайвонлар туси ҳақида) → Ола товук сомон сочар, ўз айбини ўзи очар //

2 Турли хил рангли, йўлли ёки гулли; чипор → Илон чаккан ола аркондан кўрқар //

3 кўчма Келишмовчилик, нифок, низо → Олтовлон ола бўлса, оғиздагини олдиар ... Овул ити ола бўлса, бўри келса бирикара [т.3. С. 104].

Способствуют подборки паремио групп и семантико-функциональной дифференциации омонимов:

ОЗМОҚ I Эти қочиб, озғин тортмоқ; озғинланмоқ, орикламоқ. Бир терининг ичиди кўй неча бор семириб, неча бор озар ... Озган от арғимоқ бўлмас //

ОЗМОҚ II Тўғри йўлдан тоймоқ, адашмоқ. Кенгаш қилган эл озмас, кенг

бичилган тўн тўзмас ... Эгри – озади, тўғри - ўзади [т.3. С. 94].

Паремии углубляют представления об узбекской этнографии:

АЗА ... Аёлларнинг маййит чиққан уйда йиғи билан ўтказадиган мотам маросими → АЗАга борган хотин ўз дардини айтиб йиғлар [т.1. С. 47].

Выделяются подачей ПЕ и те значения лексикографически опорных слов, которые характеризуются ограниченной функциональностью в современном общенародном языке.

Это, например, значения, показательные для диалектной речи:

ОЛАБАРГОҲ [= хашаматли уй] → Суйганинг билан бўлсанг, қора уй хам олабаргоҳ кўринара [т.3. С. 104].

VI. Общие итоги ЎТИЛ

Опыт ЎТИЛ убедительно показывает, что наиболее общая лексикографически приемлемая градация фразеологии в толковом словаре возможна посредством её сопоставления с лексико-семантической системой.

Лексикографирование слова в толковом словаре предполагает не только всесторонний показ его смысловой структуры в соотношениях и связях с лексико-семантической системой языка, но и исчерпывающую информацию о всех ФЕ, которые около этого слова группируются.

Это оказывается возможным благодаря тому, что в значительном числе случаев сохраняется и отчётливо прослеживается взаимообусловленность свободного и фразеологически связанного функционирования слова. Поэтому практику составления фразеообъединений, фразеоблоков при соотносимом значении лексикографически опорного слова следует рассматривать как наиболее целесообразную для толкового словаря.

Опыт ЎТИЛ наглядно демонстрирует эффективность подобного подхода к разрешению фразеографических задач. Он основывается на достаточно

объективном факте сохранения в бóльшей или мéньшей степени словных свойств и характеристик у компонентов ФЕ.

Конечно, определить в точности состав отбираемой в словарь идиоматики – задача чрезвычайной трудности. Отсюда и случаи включения в идиоматическую часть словарной статьи самых разных устойчивых словесных комплексов – вплоть до конструкций минимальной степени стабильности.

ЎТИЛ широко освещает активную предрасположенность узбекского языка к варибельности лексики и фразеологии. При этом более установившаяся форма слова или ФЕ подтверждается иллюстрацией из художественного текста:

“Аввалги кун (ёки аввал куни) → Аввалги кун улардан бирига калла солганман, беш йилга каматиб юбормоқчи бўлишувди. Х. Тўхтабоев, Ширин қовунлар мамлақати” [т.1. С. 30];

“Назар(и)га (ёки назари) илмайди → Мендай бир муштипар кампирни назарингизга илиб келибсиз, раҳмат. С. Анорбоев, Оксой” [т.3. С. 9].

Выводятся и сложные семантико-образные параллели между разными ФЕ, например, вариантно-синонимические: анқонинг уруғи (тухуми) // анқога шафе [т.1. С. 89].

Внимание ЎТИЛ к многообразию системной организации языка охватывает и межуровневые отношения. К примеру, это фразеолого-паремиологические связи по деривации. Ср.: ФЕ Бети йўқ → ПЕ “Элга кўшилганнинг кўнгли тўқ, элдан ажралганнинг бети йўқ” // “Бекорчининг бети йўқ, Қозон осар эти йўқ” [т.1. С. 238].

Большой находкой составителей ЎТИЛ является использование паремий как эффективного средства иллюстрации выразительных возможностей узбекского языка:

АДАБ → АДАБ бозорда сотилмас [т.1. С. 38];

АЖАЛ → Дард бошқа, ажал бошқа // Қўрққанни ажал қувлар [т.1. С. 43].

ПЕ способствует закреплению устойчивости употребления одного из членов синонимической пары.

Так, в паре синонимов ОҚЧА = АҚЧА первый закреплён в ПЕ “Оқчалининг кўли ўйнар, Оқчасизнинг - кўзи” [т. 3. С. 183]. Второй же синоним относится к устаревшей лексике и используется как одно из средств воссоздания исторического колорита. Ср.: “[Хусайн:] Хазинамда ҳар қанча зар, ҳар қанча ақча бўлса, юртнинг ободонлиги учун сарф этишга ваъда бераман. Уйғун ва И. Султон, Алишер Навоий” [т. 1. С. 128].

Со всей очевидностью можно констатировать, что в практике создания ЎТИЛ сложилась [наряду с лучшими толковыми словарями других национальных лексикографических школ] устойчивая традиция: лексика, реализующая свои фразеобразовательные возможности, описывается в толковом словаре также посредством привлечения и объяснения соотносимого с ней фразеологического материала, т.е. семантическая и стилистическая градация лексической системы языка в толковом словаре предопределяет достаточную полноту отражения и сведений о фразеологии и паремиологии [А. Bushuy, 2015. С. 77].

Так, всё в большей мере пословично-поговорочный материал специализируется в толковом словаре как иллюстрация к соответствующему реестровому слову, способствуя раскрытию его семантико-стилистического значения, специфики употребления и т.д.

Литература

1. Буранов Дж. ҳәм Курбаназаров П. К. Қарақалпақша-англичаша сөзлик. – Москва; Нөкис: Қарақалпақстан, 1970. – 496 б.

2. Бўронов Ж. ва бошқ. Инглизча-ўзбекча луғат. – Тошкент: Ўқитувчи, 1977. – 260 б.
3. Буранов Дж. Некоторые проблемы лингводидактической интеграции и лингвистического регионарирования при изучении языков // Преподавание языка и литературы. – Ташкент, 1993. - №3-4. – С. 3-4.
4. Буранов Дж. Фундаментальный поиск в исторические глубины тайн словаря // Хорижий филология. – Samarqand: SamDChTI, 2002. - №2. – С. 102-106.
5. Бушуй А. М. О паремийном сближении разных языков // Vuxoro davlat universiteti ilmiy axboroti. – Vuxoro, 2016. - №2. – С. 43-48
6. Караулов Ю.Н. Об одной тенденции в современной лексикографической практике // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. - Москва, 1981. – С. 135-153
7. Маъруфов З. М. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. Икки томли / З. М. Маъруфов тахрири остида. – Москва: “Рус тили” нашриёти, 1981. – 632, 715 б.
8. Назаров Қ. ва бошқ. Маънавият: асосий тушунчалар изоҳли луғати / Тахрир хайъати: Х. Султонов ва бошқ.; тузувчи ва масъул муҳаррир Қ. Назаров. – Тошкент: Гафур Ғулом номидаги нашриёт-матбаа ижодий уйи, 2009. – 760 б.
9. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5 жилдли. Тахрир хайъати: Э. Бегматов, А. Мадвалиев, Н. Маҳкамов, Т. Мирзаев (раҳбар), Н. Тўхлиев, Э. Умаров, Д. Худойберганова, А. Ҳожиев/ А. Мадвалиев тахрири остида. – Тошкент: “Ўзбекистон миллий энциклопедияси” Давлат илмий нашриёти, 2006-2008. – 680, 672, 688, 608, 592 б. [ЎТИЛ]
10. Ўзбекистон миллий энциклопедияси. I-XII. – Тошкент: “Ўзбекистон миллий энциклопедияси” Давлат илмий нашриёти, 2000-2006.
11. Bushuy A. The basic aspects of vocabulary codification of paroemia units // Scientific enquiry in the contemporary world: Theoretical basics and innovative approach. Vol. 3. Philology. – San Francisco, California: B&M Publishing, 2015. – P. 77-80.

Бушуй А. Ўзбек тили изоҳли луғати-луғатишунослик жараёнидаги муҳим воқеа. Мақолада ўзбек тили изоҳли луғатининг янги нашрининг тузилиши, унда бирликларнинг семантик, прагматик изоҳи тавсифланган.

Bushuy A. The descriptive dictionary of the Uzbek language as a fundamental work in world lexicography. The article is about the new publication of the Uzbek language dictionary in five volumes.
